

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТЕОРИИ ТОЛЕРАНТНОСТИ В “О МИРЕ ВЕРЫ” НИКОЛАЯ КУЗАНСКОГО.

Несколько лет назад прошедшие мероприятия в честь шестисотлетия Николая Кузанского (конференции, встречи, семинары, публикации исследований и пр.) показали, что наследие Николая привлекает, и надо признать вполне заслуженно, огромный исследовательский интерес. В нашей стране ситуация прямо противоположная. Проблемность позиционирования его наследия и определения его роли, а также значительная сложность его текстов и концепций требуют некоторой научной смелости от приступающего к этой теме исследователя, серьезной и многосторонней подготовки. Вероятно именно этим вызвано такое почти тотальное пренебрежение к фигуре и творчеству Николая. Выработанные в девятнадцатом столетии и перенятые нашими авторами первой половины двадцатого столетия стереотипы некритически приняты фактически повсеместно (учебники повторяются дословно). Новых, критически изданных переводов, не появляется. Опубликованный почти десятилетие назад, не вошедший в двухтомник “Философского наследия” трактат “О мире веры” не вызвал никакой реакции научного сообщества. Тем не менее, именно этот трактат оказался в центре жарких споров в последние десятилетия.

Сейчас глобальная цивилизация сталкивается с соответствующим ей глобальным вызовом. Станет ли этот глобальный вызов конфликтом религий? Или, даже точнее:

возможно ли избежать того, чтоб это стало конфликтом религий? Толерантность – не только добродетель, позволяющая мирно сосуществовать людям различных религий, но и могущественная идея, обосновывающая, почему воздержание от применения силы по отношению к инаковерующему, т.е. “отклонению”, является благим, добродетельным поведением.¹ Эта идея особенное развитие получила в либеральной идеологии со времен “Послания о веротерпимости” Дж. Локка. Тем не менее, в последние десятилетия многие теоретики подвергли такой подход серьезной критике и пересмотру.

Прежний – либеральный – подход перестал удовлетворять как практическим условиям современной политической жизни (прежде всего, проблема признания *групповых прав*: регуляция отношений групп и их членов; требования групп, с одной стороны, включенности в общественное пространство, претензии на общественные ресурсы и поддержку, а, с другой стороны, требования самостоятельности в решении внутригрупповых вопросов, иногда противоречащей общественным законам),² так и новейшим исследованиям в области политической теории, особенно исследованиям по *истории* толерантности (прежнее представление о возникновении толерантности лишь в Западной Европе Нового времени вследствие религиозных войн было пересмотрено). Необходимо, тем не менее, отметить, что, поскольку либеральная теория зашла в тупик: толерантность превратилась в “ускользающую” (Д. Хейд) или “невозможную” (Б. Уильямс) добродетель, – фундаментальные работы Дж. Роулза по теории справедливости стали основанием для пересмотра понимания толерантности внутри либерального проекта – идеи демократии и справедливости легитимировали толерантность в новом ключе (“*proceduralism*”).³

В результате, подход, *альтернативный* либеральному проекту

толерантности был предложен – поиск возможностей обоснования толерантности вне рамок либеральной политической теории. Пионерами в этой области стали американские исследователи Майкл Уолцер, показавший пять “толерантных режимов”, а также Крис Лорсен и Кэри Нидерман, в своих работах “*Worlds of Difference*”, “*Difference and Dissent*”, “*Religious Toleration*”, “*Beyond the Persecuting Society*” продемонстрировавшие, в частности, зарождение теорий толерантности в Средневековье. В дальнейшем К. Нидерман выделил *четыре подхода* к толерантности в Средневековье (*four roads to toleration*):⁴ скептицизм (Иоанн Солсберийский, Уильям Оккам), функционализм (Марсилиус Падуанский), мистицизм (Эриугена, Мейстер Экхарт, Я. Бёме), национализм (Николай Кузанский).

В форме межрелигиозного диалога средневековые мыслители обосновывали необходимость и моральную оправданность толерантности к инаковерцам: 1) поскольку человеческий ум в этой жизни не способен объять божественную истину, следует воздерживаться от окончательных суждений в вопросах религии (Иоанн Солсберийский, Уильям Оккам); 2) сообщество людей призвано обеспечить нужды своих членов в земной жизни, но не способно каким бы то ни было образом содействовать их благу в жизни вечной, поэтому в исполнении своих обязанностей перед обществом и в распределении общественных благ все члены сообщества равны (Марсилиус Падуанский); 3) вездесущность и имманентность божества творению требует от нас уважения ко всему сущему, являющемуся выражением божественной полноты и благодати (Эриугена, Мейстер Экхарт, Я. Бёме); 4) мир населен множеством народов, сотворенных Всевышним, вследствие непостижимой таинственности божества (*deus absconditus*) у каждой нации сложились в ходе истории и благодаря периодическим явлениям национальных пророков и визионеров

свои религиозные традиции почитания божества, но разница традиций и ритуалов лишь способствует почитанию (ведь каждая нация стремится сделать свои ритуалы более достойными и приятными божеству), в то время как в основе всех религий лежит единое, общее для всех наций представление о божестве – *una religio in rituum varietate* (Николай Кузанский).⁵

При более подробном анализе теории толерантности Николая Кузанского в трактате “О мире веры”, необходимо признать, что его философия толерантности - а здесь этот термин можно уже использовать в собственном смысле - отличается сущностной оригинальностью как по форме, так и по содержанию.

Средневековое понимание толерантности отличалось от современного несколькими чертами: толерантность относилась не к индивидуальным, а к групповым правам;⁶ толерантность в большинстве случаев считалась практической мерой, “меньшим злом”, за неимением возможности искоренить различия;⁷ толерантность не являлась добродетелью сама по себе, а потому все мыслители жанра межрелигиозного диалога допускали насилие, пусть иногда умеренное, ограниченное насилие, для приведения всего мира к единству веры, ибо различие представлялось порождением противника Бога.⁸ Для Кузанца также толерантность имеет дело с групповыми правами и в этом он вполне согласуется с традицией, вопреки мнению Кассирера, полагавшего Николая чуть ли не родоначальником философского индивидуализма. Однако, поскольку для Николая различие и многообразие предстают неотъемлемой и положительной, *естественной* характеристикой творения, а порождением противника Бога является лишь насилие (вся социальная концепция Кузанца, изложенная в “О католическом согласии” строится на идеях естественного закона и согласия, *consensus*’а), толерантность становится добродетелью самой по себе.⁹ Более

того, толерантность - это не фактическое “пережидание”, когда различие можно будет уничтожить, но открытое признание положительной роли различия даже в поклонении Богу, в религии: многообразии культов способствует поклонению.¹⁰

Далее, драматическая канва, обрамляющая теоретические построения Кузанца в трактате, проистекает из его философско-исторических, гносеологических и социо-эклесиологических предпосылок. В контексте жанра межрелигиозного диалога текст Кузанца, вводящий в качестве персонажей Бога Слово и Бога Отца (пусть в косвенной речи), привлекающий к диалогу представителей почти всех известных религий (Грек, Италиец, Галл, Испанец, Араб, Египтянин, Германец, Скиф, Татарин, Араб, Индус), но используя их национальные имена, т.е. в качестве представителей *национальных* религий, и завершающий свои теоретические изыскания проектом международного “саммита” в Иерусалиме, политически закрепляющего объединение религий, не имеет предшественников.

Собрание немногих мудрых, представляющих национальные религии, способно учредить, после достижения единства религий теоретически, единство религий и политически, поскольку, согласно социальной концепции Кузанца, большинство, являясь носителем высшего суверенитета, добровольно подчиняется меньшинству мудрых, превосходящих его морально и интеллектуально. С другой стороны, согласно эпистемологической концепции Кузанца, для достижения примирения религий достаточно лишь рассудка, естественного разума – которым обладает каждое разумное существо – способного раскрыть, эксплицировать свернутую во множестве религий единую веру. Согласно же философско-исторической концепции Кузанца, развертывание Св. Духа в истории земной церкви, *ecclesia militans*, позволяет обнаружить в каждой религии ту единую

предполагаемую веру, которая свойственна каждому народу и каждому разумному индивиду.

И, наконец, особую роль для обоснования толерантности играет то, какой именно представляется Кузанцу единая вера, предполагаемая во всех религиях, ибо возможность такой единой веры основывается на:

- довольно абстрактном характере веры, предлагаемой Кузанцем в качестве общей для всех, божество описывается философскими категориями (единство-равенство-связь), любые конкретные именованья, в том числе, христианская Троица признаются условными и чисто символическими;¹¹

- специфическом понимании культа и обрядов как конкретных восприятий, частных откровений конкретным людям и народам, которые в ходе истории становятся освященными авторитетом предков и традицией, а потому защищаются как истина; историчность, с одной стороны, и естественное многообразие народов, с другой, ответственны за различие культов, которые, однако, являясь *signa sensibilia veritatis fidei*, вполне могут быть терпимы, при условии единства веры, лежащей в их основе.

Также было показано, что Николай удерживает свои наиболее оригинальные идеи (учение о совпадении противоположностей, концепция знания как предположения, геометрико-математические построения об абсолютном и относительном максимумах) ради того, чтобы предлагаемый им текст был доступен любому, знакомому с античной традицией философствования и авраамическими религиями, чтобы *одного только рассудка* было достаточно для достижения примирения.

Таким образом, отказ Кузанца, как это было во всех прежних текстах этого жанра, доказывать преимущества христианского учения над всеми прочими религиями и христианского обряда над всеми прочими обрядами, но, наоборот, попытка обнаружить,

раскрыть во всех религиях свернутую в них единую веру и признание естественности многообразия культов ставят философию толерантности Кузанца, изложенную в “О мире веры” в ряд наиболее выдающихся.

¹ См. Питер Николсон, “Толерантность как моральный идеал”, *Толерантность*, 1/2002, 129-147

² Принято выделять три типа требований толерантного отношения: 1) требования невмешательства, право на частную жизнь, которую никто не имеет право контролировать; 2) требования равноправия и равного доступа к общественным ресурсам и общественному пространству; 3) требование специальных прав для своей группы по отношению к членам своей группы – ради сохранения идентичности этой группы (например, возможность не давать своим детям образования вне рамок общины или исключать из группы). Для либералов первые два требования обычно рассматриваются как должное, тогда как третье – не всегда приемлемо; в то время как для “не-либералов” особенно важны первое и третье, обеспечивающие автономию группы. Таким образом, проблемы толерантности требуют модели, позволяющей оценить как предоставление равных, так и специальных прав.

³ В частности, попытка обоснования толерантности через идею демократии в статье Шелдона Лидера “*Toleration without Liberal Foundations*” (*Ratio Juris*, v. 10 n. 2, June 1997, 139-164). Различение демократии (основополагающие права человека и репрезентативное делегирование властных полномочий) от олигархии (правление большинства, не учитывающее интересы меньшинств любого рода) позволяет в каждом конкретном случае оценивать является ли требование равных или особых прав оправданным в демократическом обществе и выделить те сферы, где никакая власть (ни центральная, ни групповая) не правомочны вмешиваться. (“*It concerns those matters that have not formed part of any delegation. It follows that an individual can enjoy a domain of freedom from majority rule without needing the acknowledgement of that right from the majority of his fellows, whereas they can in turn rule him only on terms which it is reasonable to expect him to acknowledge along with them. To put this another way, the individual enjoys a prima facie right to be free from all majority rule, and if valid independent arguments for such rule in a particular case can be given, the presumption can be overridden. The majority, on the other hand, does not enjoy a prima facie right to rule over the individual. Its right must instead be shown to emerge from its delegated powers in each kind of case – a delegation which, on the basis of a detachable set of reasons, the dissenting individual cannot reasonably reject*”, 152).

⁴ Доклад был представлен на конференции “Толерантность в контексте актуальных проблем современной социальной теории и практики”, Екатеринбург, 22-29 сентября 2002 г.

⁵ Cf. *Worlds of Difference*, 8.

⁶ Селигман, Адам Б. Либерализм и границы толерантности. (предоставлен мне в

рукописи автором).

⁷ “None of these interreligious debates, then, seems to conceive tolerance as much more than a practical measure, a grant to be withdrawn when truth shines forth as the result of rational dialogue. Certainly, this charge has merit in the case of the earliest texts we have examined: Little in Gilbert’s writings suggests that toleration is anything more than an expedient to facilitate the process of rational demonstration and, it is hoped, conversion. The Christian faith is shown to be unquestionably superior to its competitors. In the instances of Abelard and Llull, we encounter recognition that the truth or falsity of a confession is not easily established, so that dialogue is better conceived of as an open-ended process, the purpose of which is the instruction of the participants (and implicitly the audience)”. *Worlds*, 32-33.

⁸ “But not every medieval thinker was entirely comfortable with repression as a response to religious nonconformity. For some, instead, the tenets of Christianity, not to mention the lessons of philosophy and history, suggested that differences in belief ought to be addressed from the standpoint of patience and charity, manifest through dialogue and discussion. Thus, the very period in which the rise of persecution has been detected also witnessed an upsurge in writings that took the form of inter-religious dialogue, that is, discussion between persons of different faiths, sects, or both, directed toward the discovery of truth or, at least, common ground. ... a number of Latin writers seem to have realized that a necessary characteristic of genuine dialogue is human reason, the ability to comprehend rational proofs and also to question the adequacy of such proofs. To the extent that they held all human beings, regardless of their faith, to possess of reason, instilled in them by God and nature, medieval thinkers could accept a rational standard of intellectual debate that did not overtly favor the authority of Christianity over other religious positions. Reason afforded a clear alternative to intolerant oppression and violence”. *Worlds*, 25-7.

⁹ “Observing the persistence of deep divisions, intellectual as well as cultural, in the beliefs held by Christians as well as non-Christians, these authors came to articulate principles to explain and justify the existence of diverse forms of human life, rather than simply seeking to eliminate all such difference. In criticizing the theory and practice of intolerance, some medieval thinkers began (if only implicitly) to conceive of toleration as an object of theoretical reflection and as a permanent and necessary feature of the social and intellectual terrain, not just a temporary or expedient measure. Once writers confronted the inherent diversity of human life and hence admitted the practical impossibility of narrowly enforced religious conformity, they naturally started to consider ways in which people with divergent beliefs and practices could live together. Here may be found the germ of various theories of tolerance generated in Europe from the twelfth to the sixteenth centuries”. *Worlds*, 23.

¹⁰ Ср. также: “One of the problems of discussing religious tolerance within the context of liberalism is highly pertinent to our own times: the meaning of interreligious harmony and globalization is that the liberal need to “relativize” religious meanings and rituals for the sake of toleration leads them to get swamped by materialist culture, leaving them impotent and cloistered into private sphere. The Madisonian argument that a multiplicity of sects promotes religion, just as a multiplicity of factions promotes liberty and the overall public interest, gets turned around by modern culture whereby those sects must excessively water down their message to offer a homogenous “Bud Lite” religion; this watering down occurs

because all end up agreeing that their rituals are merely conventional and thus untrue in any meaningful and public sense. As we shall see, Nicholas too advocated a competition among religions along lines similar to those of Madison, but he anchored the glory that it would give to God ideas of interreligious harmony, mixed constitutionalism, and a nuanced account of convention. His ideas about constitutionalism, when virtue is fused with law, suggests that such competition would be guided by virtue as much as possible. Heyking, 3.

" Ср. также: "... идея различения сущности, "ядра" и adiaphora ("безразличного") в религиозных вопросах является именно скептической. Идея эта состоит в утверждении важности лишь некоторых самых общих, а потому предельно абстрактных догматов; все же остальное объявляется несущественным в деле спасения, а потому и не должно становиться причиной войны или раздора. Нам не дано знать наилучшего пути к спасению, а значит, все пути одинаковы, и различие их вовсе не оказывает никакого влияния на окончательное спасение человека. Подобный подход представляет собой что-то вроде умеренного теологического скептицизма, и на протяжении некоторого времени он и в самом деле был основой веротерпимости, положившей конец эпохе европейских религиозных войн. Хомяков М.Б. Толерантность, либерализм, скептицизм". // Толерантность 2/2003, 102-125. 103